

5/2/21

Б. В. Степанов

СЕРДЦЕ БОЛИТ...

- * ПИСЬМА ИЗ 42-го...
- * ШКОЛА ВВС...
- * ЭКРАН ГОЛУБОЙ.
А ЗА НИМ...
- * ПИСЬМА, ГОД 2017-й
- * ФОТОАРХИВ
- * СКАЗКА-БОЛЬ
- * ПУТИ ГОСПОДНИ

*Издание 2-е,
дополненное*

Волгоград
2017

ББК 63.3(2)622ю14
С79

Музей-заповедник
Сталинградская битва

Книга издана при содействии
Музея-заповедника «Сталинградская битва»

Степанов, Борис Васильевич
С79 «Сердце болит...» [Текст] / Б. В. Степанов. 2-е изд., доп. — Волгоград: Издатель, 2017. — 216 с.: ил.

Автору под 90.

Многие дети войны сиротами не были — стали, если сами не погибли. Кто-то плен пережил и позор того плена.

Но этот труд — не дневник — вспышки памяти!

Будто в письмах оттуда, из его личной «Большой войны». И совсем не так, как вспоминают почему-то его ровесники.

Не протест — это «его» война! И она продолжается у курсанта школы ВВС и полжизни в тележурналистике. И теперь, «на свободе»...

Книга адресована широкому кругу читателей.

ББК 63.3(2)622ю14

© ГБУК «Издатель», оформление, 2015, 2017
© Степанов Б. В., 2015, 2017

СРОЧНО! УСПЕТЬ БЫ...

(Из «секретной» папки)

Послезавтра — 88! Ходячий пока...

...«Вчера» еще мечтал — не верилось — доживу ли до 2000-го?

Прикоснусь к новому веку!

Ну и что? Еще 15 добавил Господь. Дал «Сердце болит» написать.

Как разбудил! И друзей старых... Поверили.

Вертится земля!

Поздней осенью нынче старшему моему — Юрке — 66. Все трудится...

Следующим идет Иосиф Борисович. 64. Значит, столько лет и дней мы живем без тов. Сталина! Так уж совпало? Случилось...

Первенцу — внуку Димке — 40. МЧС в столице. Боец.

Опасно — каждый день пожары. Бог не дал пока своих деток.

Дочка приемная растет. Жена — пограничник (!) во Внуково.

Света — внучка. 33. Журналист-газетчица. «Защитилась» по подшивке «моей» газеты. Не знала даже, что редактором был дед родной!

Такой уж строгой была бабка: даже не встретились. Не дала...

«Вырвалась» внучка: вдруг родила... от хулигана местного! Сбежала с моим, выходит, правнуком — Дионисием в город Питер.

К новому «папе»... Хорошему...

В третий класс не хочет идти Дениска — «программист» уже!

«Школа отстает от жизни!» — говорит маме, стоя в углу...

Это все? А как не считать (виноват: «высоко летал»). Все некогда) внуку

Алинку. «Незаконную» от моего самого младшенького — Вовки.

Царство ему Небесное!..

Сироткой осталась. Она теперь самая моя жалкая, любимая. И далекая!

...И боль моя, и радость — крестница единственная — Ксюша. Сама позвонила (как ее мамочка когда-то): «Клесенький, а я белеменна». Ура?..

Да, пионервожатый ее оказался трусом. А мы — рядом.

С женами первыми давно «разговариваю»... в молитвах.

Прощения прошу: обижал, обманывал.

Зато с «молодой» своей (увел, глупую, от родителей — сорок лет тому — не дал доучиться, работать рядом не дал — ревновал) живем скромно,

тихо: сложили в кучку обе пенсии. Получилась корзинка
«прожиточная». Минимум (по Медведеву).
«Круглая дата» наша будет в мае. Регистрировались, венчались!
Я-то верую с войны. Она — от бабушки Маши своей...
Почти не болеем. На аптеку хватило. Делимся таблетками.
Среда. Сегодня можно рыбку «вкушать».
В воскресенье ждем гостей. Некоторые (из бывших) извинились —
не смогут, но позвонят, поздравят. Обещали.
Да и дата какая-то смешная — две восьмерки. Две бесконечности...
...Земля наша как с горки катится. Растеряла бы скорее всё, что накопила
плохого и очень плохого! И следы мои «горькие». Слезы...
Каюсь... А как успеть? Искупить грехи?

P. S. Всё пишу, пишу. И нет ответа... Слаб человек!

2017 г.

ОТ АВТОРА (Для знакомства)

7

**ОТ
АВТОРА**

Первый диктор (мужчина) Сталинградской студии. До того — редактор-одиночка радиогазеты в Гидрострое, куда «попал» (за фельетон) из многотиражки «Стройка коммунизма». На великую стройку командировала редакция областной комсомольской газеты «Молодой ленинец». Наверное, за то, что уже был очень опытным «деятелем»... если (еще при Сталине) стал первым секретарем горкома ВЛКСМ, лектором горкома ВКП(б) — КПСС (моя лекция особая, юбилейная: «300-летие воссоединения Украины с Россией»). Депутатом горсовета был. И еще — замредактора городской газеты (г. Кимры — на Волге). Все пригодилось, когда вернулся домой, на родину. А еще, до всего этого, был учительский институт попутно (заочно). Три незабываемых года «кадетского корпуса» (по Сталину) — спецшколы ВВС — очно! Горжусь — выпускник, воспитанник — значит, однополчанин многих, кто из нас, послевоенных голодных пацанов поздоровее, станут видными авиаторами, генералами, героями! Был и сельским библиотекарем в Усть-Грязнухе. Болел, много читал, лечился... В комсомол в 14 лет сразу не вступил. Сказали, что был в плену. Был. В 13 лет. До 5 ноября 42-го, от самой (23 августа) главной бомбежки, девять недель в щели. Уцелел. И еще две недели шел пешком с мамой от «Красного Октября» аж до Морозовской... По казачьим хуторам, уже не советским. И почти никому до нас дела не было, будто не видели, как бредут мимо (только на запад, в лагеря) живые еще, уцелевшие сталинградцы. Боялись... А еще до того было, как у всех, счастье особое — детство. У меня — рыбалка: много было всякой рыбы в нашей Волге! Рядом мечта — яхт-клуб. И реальные бассейны на плаву, вышки — для всех! И столько народу! Молодежи, детей. Как на празднике на берегу. Парк — лес акаций белых — наше лакомство! Зимой обязательно все — на лыжи, коньки.

Все помню. Даже в четыре годика (носом до стола доставал уже) помню. Пришел в гости к дяде Грише (друг отца, сосед), а он разбирал настоящий наган и зачем-то выстрелил. Пулю потом не нашли, а она меня успела свалить. Мама рассказывала, что был такой хирург в больнице им. Ильича — Райт. Он взялся и безнадежного — ранение в живот — а это 1933 год! — воскресил. И еще знаю, что родился до коллективизации. Да, не коснулась нашей семьи, никого, та великая беда. Отец рано осиротел. Батрачил. Чудом добрался до Сталинграда и строил тракторный. Наш СТЗ! А в Бога я не верил: дома у нас висели портреты вождей! До первой бомбежки не верил.

ПИСЬМА ИЗ 42-ГО...

МНЕ БЫЛО ТРИНАДЦАТЬ

Если решились читать, то вместе со мной встретите первого «фашиста». Он даже пожалел нас с мамой. Странный какой-то...

...Мальчишка на коньках катался, шайбу гонял. Совсем рядом с кладбищем — Сталинградом. Один. Не боялся никого.

...Пленных наших. Они пайки получали, как солдаты вермахта.

Даже по очереди с ними.

...Прочтете «жестянку» на курене: «Калач штрассе».

В казачьем хуторе уже.

...А на доме старосты в х. Кустовском старая вывеска: «Колхоз им. Чапаева».

...Летчик немецкий (австриец, русский по матери) почти расплакался — так не хотел умирать. А ведь весь в крестах! Если живым остался после Сталинграда — маме рассказал о нашей встрече. Надеюсь.

Всего 60 дней мы были на передовой и всего 61 день — «под немцем».

9

ПИСЬМА ИЗ
42-ГО...

В ДЕНЬ МЕДОСБОРА

В комнате моей тепло, тихо. Аквариум, как настольная лампа: спокойный зеленоватый свет...

Нас много было, сталинградцев, выброшенных на мороз умирать. Еще много.

Если я расскажу о себе, может, они вспомнят свое, своих.

...В Морозовскую уже пришли наши. Пятого января. Тихо, без танков... Первых двоих я увидел почти рядом. Сани длинные тянули, ругались громко. По-русски. Значит, правда — наши. При немцах нельзя было.

Каким ветром занесло нас с мамой так далеко, в эту Морозовскую? И мы еще живы... Маме — 36, мне — 13. Мы пришли пешком из Сталинграда. Как все, кого немцы устали вывозить и гнали в свой тыл через Гумрак, Карповку, Калач...

Это был уже ноябрь. Снега по пояс. И никто ни разу не впустил погреться, куска хлеба не дал... Боялись.

И как изменились люди! Вроде те же. И уже не те... Еще в Гумраке бродила среди беженцев бабушка — «колбаска», как мы ее дразнили еще дома, на Нижнем. Просила, просто говорила каждому: «Знаете, как трудно умирать с голоду». Умерла, замерзла.

Тетя Наля, соседка дедушкина, такая пышная была, шелковая вся, всегда мне дорогие конфеты дарила, целовала... Теперь кричит, не стесняется: «Ну, где твой папочка — комиссар?» Немцы смеются, гонят всех... Там разберутся, знали.

Так мы оказались на десятый день у самого порога Морозовской, на колхозном дворе. Те же костры, как в Гумраке, только замерзших насмерть было меньше. В бывшем коровнике и спаслись, кто сумел в него втиснуться.

Это теперь я знаю, начитался. А в то первое утро, когда даже наши охранники из пленных куда-то подевались, случилось невозможное: их окружили, бьют!

Откуда взялись? Откуда силы?

Мы же сидели в своей щели на Красном и знали: никого уже не осталось в живых. Ни соседей, ни беженцев с Украины, ни красноармейцев... Вымер город. Никто не убирал убитых: ни наши, ни немцы... Где-то на Малой Франции еще постреливала пушка. Большая. Зениток наших давно не было. «Катюши» гудели весь октябрь. Уже из-за Волги. И не всегда по немцам попадали. Скрипели их «ванюши». Это мы на себе испытали... Не дай Бог никому. А ночью... Столько висело над нами ракет! Ярче солнца... И откуда у них столько всего? Трассирующие очереди, как салют, непрерывно чертили небо.

Праздновали победу? Ведь им немножко оставалось. Ту пушку добить и все.

Перестали, кстати, немцы засыпать город листовками — «Сдавайтесь! И будете иметь хлеб, работу, дом».

Уже некого было уговаривать: пали наши дивизии смертью храбрых. Ложат.

Я видел, немцы уже «перешли» железную дорогу под свой, европейский стандарт. Нашу. До станции Гумрак!

Почти совсем победили.

И вдруг далеко-далеко, в своем глубоком тылу, будто от нас, плененных сталинградцев — они просто побежали!

Машин у них страх как много. Стоят. Самолеты из Морозовской не взлетели.

У румын хоть кони были... Как цыгане, табором с награбленным... Тоже бегом.

Мы ничего тогда не знали, не понимали. Ведь целых две румынские армии — сотни тысяч солдат, итальянская армия — успели захватить и грабили половину нашей области... Пока немцы штурмовали «Сталинградскую крепость».

А побежали все.

Значит, сильный был ветер! Нас с мамой унес так далеко от дома — мы пылинки на войне. А вот пол-Европы бежит теперь обратно, по домам! На-

гостились. Оставили, правда, под нашими снегами миллион своих сыновей. Бог им судья...

...У каждого поколения, думаю, есть «своя» война. Я «воюю» с пеленок. Если без смеха — с четырех лет. Шальная пуля, сквозное в живот. Спасли.

Потом была Испания. Заочно.

Дядя Ваня — дворник — заливал нам каток. Черная вода растекалась по снегу... Я смотрел и видел, как «наши испанцы» гонят фашистов. И плакал потом.

Была еще финская. Тот же дядя Ваня развозил и раздавал хлеб. По нормам.

Никто ничего не объяснял. Значит, так надо. Война! Но мороженого было вволю. 10 копеек маленькое, 20 — большое с вафлями. И 10 копеек — билет на купалку!

В «Ударнике» показывали цветной американский «Кукарача» и нам «Три поросенка». И вдруг начали ругать буржуев — англичан. Перед самой войной.

...В нашем классе учился Валька Голев. У него дома был рояль и атлас мира. Он знал все моря и даже острова... От родителей, наверное, знал английский... За это страдал, дразнили. Мы учили немецкий. Даже учитель был немец — Иосиф Чамлер. Уехал куда-то.

Война, война!

...В воскресенье иногда у нас гостила бабушка. Добиралась с Красного трамвая часа полтора. Потом пешком вокруг завода. Наша семья — папа, мама и я — любимый внучек — жила в новой городской квартире.

Отец строил тракторный и, как многие, получил жилье. Перевез нас. И жили мы и радовались.

...Бабушка Саша приехала!

Но в парке в это утро зацвела маслена... Задохнуться можно. Значит, будет «медосбор»!

Так просто: сбил хоть майкой огромную красноголовую дикую пчелу... Пока та не очухалась — схватил, оторвал брюшко и... Не зевай, и только губами — лови крошечный мешочек нектара...

Не помню уже, кто научил нас, пацанов, так рисковать... Слез было больше, чем меда.

...В то утро и прибежал к нам в парк Левка Коробкин из первого подъезда. Прыгает, орет: «Внимание, внимание! На нас прет Германия!»

Левка был старше нас, крупнее, но мы поймали его, допросили: правда, война!

Бегом домой. Там испуганные мама и бабушка... Отец потуже затягивает командирский ремень на своем полувоенном мундире (такие сам товарищ Сталин носил). «Обломает Гитлер зубы, — спокойно сказал. — На границе обломает». И уехал.

Мы его не скоро увидели потом.

Бабушка засобиравалась. Мама — с ней. Я — на Волгу: какой там теперь «медосбор». В ОСВОДе нам давали прикоснуться к настоящему: «Левой греби! Правой табань! Суши весла!»

А война? Если что — уйдем в Морфлот. Юнгами.

Мальчишки нашего сорокаквартирного дома № 523 почти все были ровесниками СТЗ. К первому классу нам построили настоящую школу. Она и сейчас стоит. Номер четыре остался, а имя Максима Горького забылось...

Вовка Панасюк, Виталька Чепкин, даже Витька Попов — мы уже переплывали Волгу. До острова. У нас были свои тренеры! Вместе с добровольцами очень хотелось удрать на фронт. Боялись не успеть к победе. Так верили в нее. В первые дни.

Потом будет 23 августа. Уже 42-го. В школу никто не пошел. И Волгу не все переплыли.

Мы увидели в тот день немцев. Маленьких таких. Много. За Мечеткой — Спартановка. Она еще не была городом — деревня. Все хорошо видно.

Как же так?

Перечитал мемуары будущих маршалов: ни слова об этой страничке истории. Только Чуянов — первый секретарь обкома, он руководил еще и городским комитетом обороны — вспоминает: «Директор завода увидел немцев, позвонил мне. Я — командующему фронтом. Еременко очень удивился: откуда там немцы?» Могли расстрелять директора-паникера.

А те эсэсовцы, целый корпус, как закрепились за берег Волги, так последними и сдались...

Даже после Паулюса.

...Нам с мамой попроще было. Бегом по шпалам (трамваи сразу встали) к деду на Красный. А над головой, низко-низко, огромные самолеты с крестами. Все зенитки стреляют куда-то в небо, а бомбовозы, как заговоренные, летят и летят к центру города.

Бабушка благословила место, где нам рыть убежище. Отрыли. Город далеко за курганом, но видно, там настоящий ад. Здесь, на Русской деревне, будто и нет войны. Никто не бомбит, никто не обстреливает, а дом загорелся. Деревянный... от страха, что ли?

Дедушка успел забежать в него. Вынес еле-еле огромное зеркало-трюмо — главное семейное богатство, прислонил к заборчику... И вместе с нами плакал: второй раз пожар ничего не отдавал.

С треском рассыпалось зеркало от жары.

И все. Нас ждала пустая яма. Щель.

...Сколько раз проезжал мимо... Сколько раз решал: завтра обязательно... Остановка рядом с тем местом.

Но завтра не получалось.

...От «шоссейки», главной автодороги центр — Тракторный, дом моего деда, всей семьи Сиятских, был в третьем ряду. И в первом — от пекарни. Каждый такой дом — гордость «французского» завода. Их сотня в поселке Русская деревня. Крепкие, под железной крышей, на четыре четверти — значит, на четыре семьи. Отдельные. Со своими двориками.

Не верится, но моим стареньким бабушке Саше и дедушке Мише было меньше, чем мне теперь, когда немцы прошли по Карусельной, через их дворик...

В живых остались только мы с мамой и сестренкой ее младшей. И нас унесет ветром...

НЕ ВОЕВАЛИ МЫ... (Погибнуть успели многие)

Хотите еще одну автобиографию, почти исповедь сталинградского мальчишки?

...Родился, крестился очень давно, но уже не в Царицыне... Дедушка Миша сказал: царь Борис! Так и называли... Но царей уже расстреляли. Опоздал. Только родился «генералом». Не воевал. Она сама пришла...

Сталинград. Красный. Русская деревня. Осень 42-го.

Мы сидим в самодельном убежище — щели, укрытой чем попало, как от дождя... Присыпали землей с бабушкиного огорода. Самоварная труба — отдушина. Так положено, сказали военные, когда начали рыть, посоветовали делать два прямых угла. На всякий случай: если попадет, то не всех сразу...

Нас было семеро. Дедушка Миша, бабушка Саша, дядя Виктор, ученик деда Павлик — беженец с Украины, младшая мамина сестренка Клава, почти моя ровесница... И мы с мамой, «беженцы» с Тракторного, где почти виделись с немцами. Спасибо, издалека.

Итак, щель по проекту военных: с юга на север — вход. Ступеньки на 2 м глубины. Сразу поворот направо, шагов пять и новый поворот — налево. Там нары. Для молодых. Как в вагоне. Остальные на земле, на фуфайках и т. д.

...Первая мина, маленькая, влетела в самоварную трубу — отдушину. Взорвалась в бабушкиной старинной шубе. Те, кто был под нарами, только оглохли. А Генка Сорокин, пацаненок соседский, валялся там... и «собрал» один все осколки...

Грели на керосинке — обеззараживали — ножницы остроносые. Он орал. А мама с бабушкой выковыривали осколки. Их легко было находить: неглубоко влезли. Вместе с хвостиками из бараньей шерсти торчали...

Все дырки смазали керосином, и Генка выздоровел. Не помню, куда они делись с его мамой, но после войны (боев в городе) сразу вернулись на Красный. Раньше нас. Сорокина мама молчит. И никто теперь не узнает — схоронили ли дедушку Мишу и где? Он лежал головой к лазу в щель, когда нас выгоняли немцы...

Так многие поступали, наверное: под сгоревшим домом нашим раскопали погреб. Кое-что уцелело из вещей. Генке достался велосипед. Взрослый. На нем он и попал под автобус — единственный на весь город весной 43-го.

Вот и не верь в судьбу. А может быть, просто глупый случай...

Жалко Генку — страдалец за нас за всех, уцелевших в тот день...

Сколько их таких еще подорвется на хитрых минах-бабочках, сколько сами будут находить, разряжать!

Дети! Таким было все мое сталинградское поколение... Одноклассники, например. К февралю 43-го в городе ни одного не осталось из моего шестого «Б».

Вот из параллельного, знаю, Атопов Володя, но мы не успели ему даже позавидовать: вся их семья 22 августа, за сутки до немцев, уже ехала поездом на восток. Из-за Волги, говорил, хорошо виделся дым и зарево... над нами.

Владимир Иванович станет профессором, однажды был мэром, делегатом съезда КПСС. Почетный гражданин нашего города-героя... Конечно, встречались не раз по работе, разговаривали...

...Боря Тхор — Волгу переплывет, раненый.

Мы не были большими друзьями. Но чтобы дрались, не помню... Вместе оформляли стенгазету. Художники! Гитлера рисовали... Трусливого. И рядом великана-красноармейца с метлой на фоне Кремля

«От ворот поворот!» назывался плакат. В витрине гастронома на Нижнем поселке выставлялись наши «картины маслом». Зимой 41-го.

...Не воевали мы, не успели.

Однажды, лет тридцать-сорок тому, из Москвы приехал по делам Борис Иванович Тхор. Архитектор, лауреат Ленинской премии. Пришли мы на «свой берег», к школе... Лев Иванович Ульянов, директор (вместе учились — он в девятом), затащил нас к себе, устроил торжественную линейку. Повязали нам галстуки. Красные. Боря рисовал портреты. Каждому дарил. Рассказал о Монреале, где по его проекту уже построен выставочный павильон СССР. А я — о своем: о войне, одноклассниках.

Потом, не сговариваясь, мы сели с ним за одну парту. Остальные места оставались свободными. Вдруг Борис встал и ушел... в свой «параллельный».

Ребята! Новое поколение. Вот оно! Всё поняли. Мы почтили поименно память без вести пропавших мальчишек и девчонок — «одноклассников».

...Как взвод пехоты после атаки — потери.

Мы не воевали. Мы были дома — ровесники своего СТЗ, дети... Еще и коллективизации ровесники... Это что-то другое, мало нам понятное было.

...Живу и удивляюсь! В один голос теперь о той первой после нэпа «перестройке» и только самое черное... Кому не лень трубят. И палочки — трудодни. И крепостное (беспаспортное) житие. И стаж трудовой — ноль. Пенсия — 10 р.

А на них — колхозниках — пахали. Они спасли, защитили страну. Армию прокормили... И то, что беднота когда-то нажитое соседом, хорошим хозяином, охотно делила, растаскивала: «Кулак — враг! Всю семью — на север, на погибель! Дом крепкий кому? Под сельсовет!»

Это был тоже колхоз... Ровесники.

А нам нравилось то время! Тридцатые... Росли в поселке будто «с иглолочки» новеньком. Проект — американский. Рядом сами американские специалисты. С семьями сначала... пока им долларами платили.

...Паровое отопление (от завода). Всегда «гор.» и «хол.» в кранах. Ванна, душ и т. д.

Островок социализма!..

В степи на окраине старого города, вчера еще похожего на Камышин, на тот же Саратов... Вокруг чистые скверики между домами. А парк! Над берегом... Даже часы огромные из живых цветов! Долго ходили. Сказка!

На берегу, на склоне — рядов двадцать — места для зрителей. И белый (прозрачный — пароходы видно) экран. Бесплатное кино. Даже звуковые... Каждый вечер!

За Волгой, напротив, своя «Культбаза». Деревенька Скудры — яблоки для нас вольные...

Вышка «трехэтажная». Прыгали прямо в Волгу! Бассейн плавучий, купалка тоже для нас... Лодочная станция гребная, где отец брал по заводскому пропуску лодку, весла (бесплатно! как понять?) и катал нас с мамой, сколько мы хотели...

И еще ОСВОД, доступный... нам — резерву флота! Не только для утопающих...

А школа! Чуть не забыл. Дворец... Такие теперь не умеют делать.

Тогда был один общий первый. Провели нас в боковую дверь... Даже сфотографировали у крыльца для газеты «Даешь трактор!»

Потому что хотели досрочно, торопились...

Первый этаж был почти готов. Помню, немножко мусора было в коридоре. Нас ввели в крайний класс... Огромный! Окна до потолка... Сам потолок (как потом и на вокзале разрисуют художники) — картина!

Но сразу обвалился на нас: сырой был.

Мы все, с учительницами вместе, бегом в свою старую, похожую теперь на барак школу... Учебный 1936/37 год продолжался!

Для нас обошлось «без потерь». Но взрослые между собой обсуждали. Уже шепотом: «Враги народа!»...

...И наконец, яхт-клуб! Это у нас. Тогда! Настоящий. Как у них. Там...

Эллинги, яхты дорогие. Спортсмены в белом — элита.

Шеф — сам директор СТЗ. Балтийский моряк!

...Музей Военно-морского флота прямо в «офисе» яхт-клуба.

Модели боевых кораблей, торпедных катеров! Мы все «заболели»! Каждый умел уже в руках нож держать. Сначала из коры лодки делали. А с кораблями как быть?

...В одиночку, тайно (отнимут старшие), ушел на остров, высмотрел бревнышко. Дубовое... Еле оторвал, «добыл» из кучи дров недалеко от дома лесника (так вмерзло)... И поехали! Я-то на лыжах, а оно — волоком. К ночи добрался до дома, спрятал под кроватью... Сушить!

До самой бомбежки это оставалось тайной: мой будущий корабль. Но мечту не убить. И болезнь эту не вылечить!

Построил! Через полвека. Но уже не модель: лодку, парусник, с каютой для двоих. Вдвоем и строили. С женой. Семь лет. Без отпусков и выходных.

Упрямый получился «мальчишка». А моей школой был музей в яхт-клубе. И то бревно.

...А вот это уже было уделом взрослых. Тоже в клубе... Малый симфонический оркестр. Наш сосед по квартире инженер Пастивый приучал нас... к своему любимому саксофону... неутомимо. Дома (ужас!).

Спасенье могло быть в яхт-клубе. Но как? Валька Голев — одноклассник — знал про мою слабость. Для него парус — будни. Папа — главный яхтсмен. Голев-старший и руководил вместе с военными последней переправой с Тракторного. Под бомбами, снарядами — стреляли немцы уже со Спартановки. И погиб Иван Петрович смертью героя. Спасая людей...

Семья пряталась в одном из эллингов на берегу. Тяжелораненая мама умерла у Вальки на руках... Остались с сестренкой. Не переправились. Пропали.

...Много воды утекло в Волге после тех «пионерских поминок» моего 6 «Б». Все не могу забыть: такое чудо загубила война, наш Нижний! И каких людей!

Горько оттого еще, что «сказка» наша теперь — это стоп-кадры из «Сталкера». Хоть мэрами трижды были «свои», тракторозаводские...

Будто брошенная людьми земля. Другая планета... Тесно было нам, пацанам, от здоровых, веселых людей... Даже не верится... Вольер какой-то «для выздоравливающих»... теперь. И никакому Голливуду, Михалкову ни за какие деньги не возродить ни времени того, ни тех людей — повторить хоть на экране: никто из довоенных, счастливых «не вернется» домой.

...Чудес не бывает...

...В Воркуте нашелся Валька Голев. Стал отцом. На однокласснице Ладе Мелентевой женился. Роман толстый написал. Эренбург одобрил. А «никто» печатать не хотел. Поперся Валька в американское посольство...

...С «желтым паспортом» (нетрудоспособен нигде) давал в Волжском частные уроки музыки одаренным детям. Тайно. А явно — подрабатывал на бетонном заводе. Ломом. И писал... Даже в нашу «Стройку коммунизма». Не жалобы!

Люська Положенко — моя самая первая любовь — в Москве нашлась. Врач детский. Взрослый сын.

А Вовка Панасюк — почти «враг народа»! Отца из НКВД утром домой отпустили... А мама, полька, красавица, не дождалась, повесилась... Появился Вовка после войны, просился, но жилья не нашлось.

...Выходит, что один товарищ Сталин заранее мог знать о страшной судьбе города: «оборонку» с людьми тихо вывезли на восток...

Может, там кто-то еще жив «из наших»?

...Васька Краснощеков, Эра Аврамова, Юрка Черкесов, Эля Берзина, Пашка Новосельцев... и «наши немцы» Анна Гертнер и Юрка Фаулер...

И еще полкласса. Остальных...

...Не воевали мы. Не успели.

А ОНИ ВОЕВАЛИ

...Вдруг вышел из маршрутки, с кем не бывает, и побрел по улице, теперь 39-й Гвардейской, к скверу... Такому же длинному и широкому, каким был на его месте весь рабочий поселок металлургов «Красного Октября» — Русская деревня.

Еще жива тропинка. Ей лет сто, не меньше... Вывела на Базарную — малый проспект теперь между сквером и стеной огромных сталинских домов. Крепости! Были бы они тогда.

Потоптался под деревьями, шагами отмерил... И конечно, вспомнил все!

...Задолго, недели за две до главной бомбардировки города, 23 августа, мы разглядели в небе два крестика, высоко-высоко. Неслышно откуда-то из-за Волги летели. Наши? Не наши?

Когда засвистели бомбы, поняли.

Всего четыре взрыва... Мы выбрались из соседского погреба — услышали, как кричат наверху...

Кто-то бежал к пекарне — там свалило забор, побило охрану — красноармейцев троих. Открылись склады...

На углу Карусельной и Базарной еще работала последняя колонка. Очередь за водой — человек сто — почти вся валялась в крови...

На шоссе тоже воронка. На деревьях, на рельсах трамвайных разорванные тела... Это был патруль, бойцы. Они не прятались.

Мы смотрели и не верили своим глазам, не знали, что делать...

И сегодня я нашел бы то место, где лежали грудь, голова и левая рука одного из военных. Никто не решался, а моя мама принесла и похоронила лейтенанта — я видел на прилипшем воротничке кубики...

Как сама испугалась! Все повторяла: «Какой он горячий... Какой горячий...» Это мама, которая плакала от одного грубого слова!

Больше нашу Русскую деревню не бомбили. Пролетали.

Многие соседи пытались бросить все и бежать из города... Но эвакуация, помню, запрещена была. Сталин приказал: «Отступать нельзя!» Да и поздно.

...Потом было 23 августа. Мы не видели, что творилось в других местах... Но все, что могло гореть, уже горело. Выше облаков пожар на нефтесиндикате. Гудело и рвалось в центре. Я сидел на крыше и видел: люди металась толпами. Кто-то к тракторному и почти сразу — обратно: там немцы.

В центре горела мельница, хлеб! Сосед уже сбежал туда, принес тяжелую сумку... Побежал к мельнице дедушка, наволочку с подушки снял, спрятал за пазуху... Говорил потом: там стреляли, охрана. Но успел набрать ячменя. Торопился. Пока бежал домой, почти все высыпалось: прогорела наволочка...

...В музее «Дети Сталинграда» девочка-экскурсовод не знала, как сказать, сколько граммов хлеба выдавали нам, и спросила: больше, чем в Ленинграде? Милые наши детки-наследники, святые, даже их «экскурсоводы» не могут себе представить всей правды, отчаяния жителей...

...Остатки ячменя подгоревшего мы перебрали по зернышку. Светлые на ручной мельнице-кофемолке превратили почти в муку. Пышка получилась.

И все. Дедушке Мише, правда, успели выдать зарплату, селедкой. Из голов бабушка сварила борщ с листьями свеклы...

Так что нам, сталинградцам, было полегче... В первые дни...

...Судьба ли такая добрая — пощадила меня, вывела, вынесла из сталинградского ада? Или молитвы бабушки услышал Господь? А так хотелось умереть... Уснуть и не проснуться. Смерть брала только всех вокруг...

Пропал первым мамин младший брат Виктор. Мы не видели, как он погиб.

Пришли немцы. Застрелили дедушку: он в соседней щели ухаживал за двумя ранеными бойцами. Нам приказали уходить на Гумрак...

Ночью умерла бабушка: как освободила нас! До самого утра мы с мамой и Клавой, ее сестренкой, почти моей ровесницей, пытались наковырять землишки со стенок, со дна щели... Завернули бабушку, легкую такую, в ее теплое одеяло, присыпали немножко...

И сидели на ней. И не плакали.

Это был уже ноябрь.

Пятое ноября. Последний, как оказалось, теплый день осени 42-го.

...Кто поверит, что через много лет сам маршал Чуйков даст мне посмотреть свою сталинградскую карту. А я покажу ему дом моего деда на ней.

Такая карта! И такой уж, оказывается, ее хозяин, что в свои 80 он помнил, кто там воевал и чей полк остался.

Эта встреча была в Барвихе, в санатории... Мы сумели договориться и снимали очерк о семье маршала. Записали его обращение к сталинградцам. Василий Иванович будто прощался со своими солдатами. Обращался к вдовам, просил у них прощения.

Сидел я тихонечко, слушал.

Разве мог знать тогда, осенью 42-го, что мы от своей щели в пяти минутах ходьбы до штаба его армии! Но не поднять было головы, какое там ходить.

А они воевали.

Мне стыдно было признаться: ведь утаил и когда-то в своих анкетах, промолчал и сегодня, что 61 день был в плену. Что топал в сторону Германии покорно, уже с молитвой покойной бабушки... Не как сын комиссара...

А они воевали.

Р. С. Сталинград. Только 200 дней той войны. Когда сложили, разделили, умножили — получилось: по десять тысяч русских, немцев, украинцев, румын, казахов, итальянцев, татар, евреев... Как на жертвеннике... Каждый Божий день сгорали по десять тысяч человек!

И никто не забыт?

КТО ПОМНИТ ТО ВРЕМЯ? (И как, если помнит?)

...Когда я впервые в жизни заполнял анкету и должен был автобиографию сам написать — больше получалось у меня об отце: происхождение, состоял ли, привлекался ли, есть ли родственники за границей?.. И самый тогда обязательный вопрос: находился ли на оккупированной территории?

Мандатная комиссия, думал, скажет: сын такого человека, конечно, «наш». Очень хотелось, чтобы мне поверили. И боялся, как многие тогда, вдруг узнают про наш с мамой плен.

...Вся надежда на отца.

Во-первых, он из беднейших крестьян. Даже из батраков. Значит, пролетарий! Сейчас — другое дело. Сейчас, кто из дворян — даже хорошо. Сергей Михалков молчал, наверное, когда первый гимн сочинял... Нормальный текст. Там были слова: «Нас вырастил Сталин». До второго варианта вождь не дожил...

А мы — ура! Рабоче-крестьянские...

Это был август 1945-го. Заканчивалась Вторая мировая. Последняя победа: самураи. Промелькнула Хиросима... Сразу и не поняли, какая это страсть — атомная бомба! Американцы — наши. Мы, пацаны — будущие сталинские соколы! Мы и чистое небо над нами!

И комиссия меня долго не допрашивала, благословила в кадетский корпус (так это называлось при царе)... Седьмую Сталинградскую спецшколу ВВС. Мечта: военно-воздушные силы!

Только военврач-фронтовичка спросила: очень хочешь?

Но анкета? Вдруг докопаются...

...В 12 лет осиротел Василий Степанов. За ним шли еще трое: сестренка, братишки... Семья городская. Пять лет болел, не поднимался их отец. Все прожили. У вдовы — ни гроша за душой. Война мировая... Как выжить!

Бабушка Лиза рассказывала — на базаре в слободе Николаевке нашла для своего старшенького «хозяина»: сговорились — от Петрова до Покрова пасти скот. В степи, за 40 верст. Спасибо.

...Вырвался, однако, как подростки братишки. Добрался до Царицына. Без билета, на плотях. Земляков нашел на «французском» (Красном). Взяли, хорошим прокатчиком стал. Зарабатывал. Женился на красавице даже. Тракторный позвали строить. Комнату обещали.

...Где-то у переезда пригородного поезда, на Карусельной, жила в своем доме тетя Таня. Родители снимали у нее угол. Туда, в этот угол, меня и принесли из больницы. Февраль, метель в полную силу, а мне, наверное, было очень тепло и сытно: страшный голод в Поволжье еще не начинался. Наступал только 1929-й.

Теперь, кстати, и я мог бы написать в анкете: «из рабочих!» Но я только начинал ходить, когда отец праздновал рождение «своего» завода. Да какого: СТЗ!

Работал он по сменам, это я сам помню, по гудку, мощному, за сто верст слышно.

Комнату дали. Сразу. На втором этаже. Четвертый еще строился. Наш новый адрес: Сталинград, Нижний поселок СТЗ, 523, 12.

...Отец — потомок известных кузнецов по материнской (бабушки Лизы) линии — был, как говорится, мастер на все руки. Учился. С американскими инженерами монтировал первые турбины ТЭЦ, стал машинистом, активистом, партгрупоргом. И учился!..

Только теперь куда пошлют. Начинал-то батраком у богатых да молотобойцем — в кузне дедов Лаврентьевых. Вот и бил кувалдой только туда, куда указывали. Так и «бил» всю жизнь...

До войны он успел пройти через райком ВКП(б), горком, обком... Заважничал! Не будь тем помянут... Но помню, как маме было трудно с ним. И мне перепадало: позорю, плохо себя веду в школе. Порол, любя...